

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

КЛАССИК РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЭТНОГРАФИИ С. П. КРАШЕНИННИКОВ

(К 250-летию со дня рождения)

В истории русской и мировой этнографической науки найдется немного имен, которые можно было бы поставить рядом с именем Степана Петровича Крашенинникова. Классический труд Крашенинникова — «Описание земли Камчатки...» открыл всему миру дотоле неведомую оригинальную культуру народов Камчатки.

Двести пятьдесят лет прошло со дня рождения Крашенинникова, но этот труд и сейчас сохраняет свое научное значение и является неисчерпаемым источником идей и фактов для этнографов и историков, лингвистов и фольклористов.

Мы не располагаем точными данными ни о дате рождения Крашенинникова, ни о его жизни до поступления в Славяно-греко-латинскую академию. Сопоставляя скудные сведения о жизни ученого, можно предполагать, что он родился в октябре 1711 г.¹

Митрополит Евгений Болховитинов указал, что Крашенинников был сыном солдата², не сообщив, однако, тех источников, какими он пользовался. Тем не менее это свидетельство заслуживает полного внимания, поскольку оно хорошо согласуется с показанием Г.-Ф. Миллера о том, что Крашенинников «был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены»³, и не противоречит тем данным, которыми мы располагаем о социальном составе учеников Славяно-греко-латинской академии, где получил образование Крашенинников.

Так, согласно ведомости Синода на 1729 год (в этом году обучался и Крашенинников) в Славяно-греко-латинской академии было 259 учеников, из них солдатских детей 79, т. е. почти треть⁴. Не случайно

---

¹ А. И. Андреев считал датой рождения Крашенинникова 31 октября 1711 г. Учитывая, однако, ошибки, допущенные Г.-Ф. Миллером и в количестве лет, прожитых Крашенинниковым, и в дате его смерти (а эти данные являются исходными в подсчетах А. И. Андреева), осторожнее воздерживаться от установления точной даты. См.: А. И. Андреев, Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова, «Сов. Север», 1939, № 2, стр. 5—6. Биографические сведения Г.-Ф. Миллера о Крашенинникове см.: С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, доносений и других неопубликованных документов. М.—Л., 1949, стр. 91—93. (В дальнейшем все ссылки на это издание.)

² Митр. Евгений, Словарь русских светских писателей, т. I, 1845, стр. 314.

³ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки..., стр. 93.

⁴ См.: А. Морозов, Михаил Васильевич Ломоносов, М., 1951, стр. 127.

В. Н. Татищев, крупнейший деятель русской культуры и вместе с тем виднейший идеолог дворянства и защитник его привилегий и прав, с неодобрением писал об академии: «паче же что во оной больше подлости, то шляхтичу и учиться не безвредно»⁵.

Славяно-греко-латинская академия сыграла заметную роль в истории просвещения в России в XVIII в. Кроме М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова, воспитанниками академии в первой половине XVIII в. были многие деятели науки, культуры, литературы⁶.

В программу академии входили науки как духовные, так и гражданские, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной даже до богословия»⁷. Преобладало, конечно, богословие. В академию в первой четверти века принимались люди «всякого чина, сана и возраста»⁸. В 1728 г. последовали ограничения. Велено было «солдатских детей... отослать в полки в службу», а «помещичьих людей и крестьянских детей... от школы отрещить и впредь... не принимать»⁹.

Указ 1728 года не коснулся Крашенинникова. Поступив в академию в 1724 г., он в 1728 г. был уже в средних классах. А в 1732 г., когда Крашенинников был в предпоследнем классе — классе философии, он был вызван в числе 12 лучших учеников в Академию наук. Практика откомандирования учеников Славяно-греко-латинской академии из последних классов «во всякие потребности» государства была широко распространена в это время.

17 апреля 1732 г. состоялся указ об организации Второй Камчатской экспедиции, а 17 июня того же года последовал указ об участии в ней Академии наук. В академический отряд экспедиции, руководителями которой были назначены профессора И.-Г. Гмелин и Г.-Ф. Миллер, и был включен Крашенинников вместе с четырьмя другими бывшими учениками Славяно-греко-латинской академии.

В течение короткого срока (с января по август 1733 г.) Крашенинников вместе с ними проходил дополнительное обучение по естественной истории (в Кунсткамере) и по географии. В августе 1733 г. академический отряд покинул Петербург.

Вся жизнь и творчество Крашенинникова неразрывно связаны со Второй Камчатской экспедицией 1733—1743 гг., называемой также Великой Северной экспедицией.

Фактическая история путешествий Крашенинникова по Сибири и на Камчатке дана в работах А. И. Андреева и моих¹⁰. Остановимся лишь на некоторых важнейших вопросах.

По подсчетам Крашенинникова в его путевом журнале, во время экспедиции в Сибири и на Камчатке он проехал 25 773 версты¹¹. Надо указать, что из поездок по Сибири им были учтены не все¹².

⁵ В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. I, стр. 117.

⁶ Среди них были зодчий В. И. Баженов, поэт А. Д. Кантемир, историк Н. Н. Бантыш-Каменский, профессора Московского университета А. А. Барсов, А. А. Брянцев, С. Г. Зыбелин, Н. И. Попов, Н. Н. Поповский, поэты Е. И. Костров и В. П. Петров и др.

⁷ «Привилегия Московской академии», «Древняя Российская Вивлиофика», ч. VI, М., 1788, стр. 402.

⁸ Там же, стр. 408—411.

⁹ «История российской иерархии», т. I, М., 1807, стр. 429.

¹⁰ А. И. Андреев, Указ раб.; Н. Н. Степанов, Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» (вводная статья к изданию: «С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки»); его же, С. П. Крашенинников — исследователь Камчатки, «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I, Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXX, М., 1956.

¹¹ Архив Академии наук СССР (ААН), ф. I, оп. 13, № 10.

¹² Первый маршрут, отмеченный Крашенинниковым, — маршрут «от Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по реке Онону теплых вод и оттуда до Читинского острога». Он падает на время с 20 июня по 5 августа 1735 г. и равен 997 с половиной верстам.

История экспедиций и путешествий до Крашенинникова не знает маршрутов такой протяженности. Да и после него только немногие из путешественников XIX в. (например, Н. М. Пржевальский¹³) покрывали равное или большее расстояние. Маршруты Крашенинникова охватывают Западную Сибирь — Алтай — Восточную Сибирь — Прибайкалье — Забайкалье — Якутию — Охотское побережье — Камчатку. Камчатку Крашенинников проехал вдоль и поперек несколько раз.

Материалы экспедиции, отчеты и работы Крашенинникова дают полное представление о научном росте молодого исследователя. Задания, которые ставил перед ними Гмелин (именно Гмелин в основном руководил работой Крашенинникова до отъезда того на Камчатку), становились все сложнее и сложнее.

Первой самостоятельной работой, какую пришлось выполнить Крашенинникову, было описание пути от Кузнецка вниз по р. Томи до Томска¹⁴. Уже в этой первой его работе, географической по характеру, есть много этнографических данных. Он отмечает наличие юрт «телеушских татар», «чатских татар», отмечает раскольничью деревню, где раскольники «носят платье, какое указами повелено носить» им, и т. д.

Очень интересны рапорты и отчеты Крашенинникова о его поездках по Прибайкалью и Забайкалью¹⁵. В это время уже полностью проявились его разносторонние дарования. Он сочиняет географические описания, производит метеорологические наблюдения, изучает свойства целебных источников и одновременно работает над документами XVII в. в архивах, изучает быт и культуру бурят и тунгусов, записывает словники их языков.

Большой материал для изучения исследовательских интересов Крашенинникова, расширения его кругозора и роста его как ученого дает «Дорожный журнал»¹⁶. Этот журнал Крашенинников начал в сентябре 1734 г., сразу же после отъезда из Кузнецка, и продолжал вести его непрерывно до 12 марта 1736 г.

Маршрут, отраженный в «Дорожном журнале» — Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Аргунск, Чита, Баргузин, Верхоянск. В «Дорожном журнале» Крашенинников записывал все, что интересовало его в пути, что привлекало его внимание. «Дорожный журнал» содержит большой этнографический материал — наблюдения над жизнью и обычаями тех народов, среди которых ему приходилось бывать (алтайцы, буряты, тунгусы и др.). Мы находим в журнале описание быта и материальной культуры телеутов и «тюлиберских татар» (алтайцы), верований и брачных обрядов, описание писаниц на р. Томи, а также данные о занятиях и быте качинских татар, о писаницах и пещерах на Енисее, о быте удинских бурят и забайкальских тунгусов и о многом другом. В «Дорожном журнале» есть интересный материал и о быте русских в Сибири — рассказы о свадьбе по старинным русским обрядам в Томске и Красноярске,

¹³ Протяжение маршрутов Н. М. Пржевальского равно 33 268 км, но это протяжение маршрутов пяти его экспедиций.

¹⁴ «Реестр деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска с указанием поверстного пути между ними» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 23, лл. 134—138).

¹⁵ «Рапорт» о поездке на «теплые воды» реки Онона (ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 5—12 об.); «Рапорт» о поездке на «теплые воды» реки Баргузина (ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 15—23 об.); «Описание пути от Аргунских серебряных заводов до имеющихся по Онону реке теплых вод и оттуда до Читинского острога» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 71—78); «Описание пути от Итанцынского острога до Баргузина, от Баргузина до теплых вод, а оттуда через Байкал море и Косою степью прямою дорогою до Верхоленского острога» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 95—105); «Реестр сколько под Баргузинским острогом и Баргузинского ведомства острожками ясашных тунгусов имеется и на сколько родов разделены» (ААН, ф. 21, оп. 131, лл. 29—29 об.); «Описание братских мужиков Иркутского ведомства» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 30—30 об.).

¹⁶ «Дневник путешествия в 1734 и 1736 годах», «Дорожный журнал» (ААН, ф. 1, оп. 13, № 11, лл. 19—40).

описание традиционных русских одежд и т. д. Большинство записей Крашенинникова, бесспорно, и сейчас представляет значительный интерес.

Ценный материал для этнографа содержит и работа Крашенинникова «О соболином промысле»¹⁷, дающая описание не только техники этого промысла, но и быта «промышленных людей», их обычаев и поверий, связанных с промыслом. Ряд работ был написан Крашенинниковым в Якутии и на Охотском побережье¹⁸.

Современные исследователи — этнографы, географы, естествоиспытатели, говоря об изучении Сибири в первой половине XVIII в., обычно называют три имени: Д.-Г. Мессершмидта, совершившего экспедицию в Сибирь в 1720—1724 гг., И.-Г. Гмелина и Г.-Ф. Миллера — участников Второй Камчатской экспедиции. К этим именам по справедливости должно быть добавлено имя С. П. Крашенинникова.

Начав свое путешествие по Сибири учеником, Крашенинников заканчивал его мастером. Его «Дорожный журнал», работа «О соболином промысле», исследования природы и населения Прибайкалья и Забайкалья могут быть поставлены в один ряд с исследованиями и работами Гмелина и Миллера. Быстрый научный рост Крашенинникова, самостоятельность и зрелость его последних сибирских работ и объясняют нам те блестящие результаты, каких он достиг в своей экспедиции на Камчатку.

Крашенинников провел на Камчатке почти четыре года. Он восемь раз пересек Камчатку. Общая длина пройденного им камчатского побережья насчитывает более 1700 км, а внутренних учтенных маршрутов — более 3500 км¹⁹. За это время им было написано свыше сорока работ самого различного содержания: «путевые журналы», описания поездок по отдельным районам; описания этих районов по рассказам коренного населения; описания жизни, быта и обычаев народов Камчатки; очерки истории Камчатки; «вокабулярии» языков народностей Камчатки; работы по «натуральной истории» — «реестры» «зверям, птицам, рыбам, деревьям и травам», описания «горячих ключей», «метеорологические обсервации» и пр. Кроме того, им было написано восемь рапортов Гмелину и Миллеру, в которых содержатся полные отчеты о проделанной им на Камчатке научной работе²⁰.

Работы, написанные Крашенинниковым на Камчатке, и составили основу для «Описания земли Камчатки...» — труда, который был создан им уже в Петербурге, но не включил, однако, всех тех материалов, которые содержались в его камчатских работах. Публикация этих работ в академическом издании «Описание земли Камчатки...» (1949) вве-

¹⁷ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки..., стр. 671—687.

¹⁸ «Рапорт» о поездке из Олекминского острога к соляным ключам реки Кептендея (ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 31—33 об.); «Описание пути от Олекминского острога до имеющихся у речки Кептендея соляных ключей и до Соляной горы и оттуда возвратно до Олекминского острога» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 180—191); «Описание пути от города Якутска до Охотского острога» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 138—150); «Перечень пеших тунгусов или ламутов, живущих около Охотского острогу» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, л. 151—151 об.); «Путевой журнал от города Якутска до Охотска» (ААН, р. 1, оп. 13, № 10). Все эти материалы не опубликованы. Четыре рапорта были написаны Крашенинниковым в пути из Якутска до Охотска (они опубликованы в «Описании земли Камчатки...», изд. 1949, стр. 546—554).

¹⁹ И. П. Магидович, Очерки по истории географических открытий, М., 1957, стр. 425—426.

²⁰ Список работ Крашенинникова см. в указ. статье А. И. Андреева. В моих работах «Степан Петрович Крашенинников и его труд „Описание земли Камчатки“» (стр. 35—41) и «С. П. Крашенинников — исследователь Камчатки» дана классификация этих трудов, их характеристика и некоторые поправки к датировке А. И. Андреевым работ Крашенинникова. Большинство его камчатских работ опубликовано в издании 1949 г. «Описание земли Камчатки...». Здесь же напечатаны рапорты и письма Крашенинникова Гмелину и Миллеру, а также доношения и рапорты Л. Делиль де ля Кройеру и Г.-В. Стеллеру.

ла в научный оборот новый и очень ценный материал. В настоящее время исследователи уже в должной мере оценили важность данных, содержащихся во вновь опубликованных работах Крашенинникова. Так, Б. О. Долгих отметил, что «Описание камчатского народа» (две редакции) и «Описание коряцкого народа», написанные Крашенинниковым на Камчатке, «не только содержат материалы, не вошедшие в окончательную редакцию «Описания земли Камчатки...», но в некоторых случаях превосходят окончательную редакцию точностью сообщаемых сведений»²¹. Обе работы Крашенинникова были использованы Б. О. Долгих для выяснения вопроса о расселении народностей Камчатки и их племенном составе в первой половине XVIII в. Интересный материал дали работы Крашенинникова и для исследований В. В. Антроповой и И. И. Огрызко²². Обзор лингвистических материалов, собранных Крашенинниковым на Камчатке и не вошедших в «Описание земли Камчатки...», дал И. С. Вдовин²³. Нет сомнения, что камчатские материалы и статьи Крашенинникова и в дальнейшем будут привлекать к себе внимание исследователей.

Крашенинников вернулся в Петербург из экспедиции через десять лет (в конце 1742 г.), собрав на Камчатке ценнейшие материалы в различных областях знаний. Главным делом его жизни становится обработка этих материалов и подготовка к печати труда «Описание земли Камчатки...». В 1745 г. Крашенинников был произведен в адъюнкты, а в 1750 г. получил звание профессора натуральной истории и ботаники и был назначен членом Академического и Исторического собраний Академии наук. В эти годы он входит в ведущую группу профессоров Академии наук и становится одним из ближайших соратников Ломоносова в его борьбе за национальную русскую культуру и науку.

Идейное лицо Крашенинникова — зрелого ученого — ярко выявляют, кроме «Описания земли Камчатки...», также «Речь о пользе наук и художеств в государстве» (1750 г.) и замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера²⁴. Идеи, выраженные им в «Речи о пользе наук...», переключаются с идеями Ломоносова о значении науки. Во многом работа близка и к «Разговору двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева. Близость к последней работе сказывается даже в самом названии произведения Крашенинникова.

В «Речи о пользе наук...» Крашенинников выступает защитником культуры и просвещения. Он рассматривает отдельные отрасли знания и показывает их роль в практической жизни человека. Все науки связаны между собой и взаимно обогащают друг друга. Крашенинников подчеркивает принцип развития науки. Основа развития науки и культуры — материальные потребности. Несомненно, что в таком подходе к этому вопросу имеются элементы материалистического понимания истории. Оно находит у Крашенинникова обоснование в столь хорошо знакомой ему жизни народов Камчатки. Несомненно также, что именно эти данные и привели Крашенинникова к его выводам.

²¹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. LV, М., 1960, стр. 565.

²² В. В. Антропова, Расселение ительменов в первой половине XVIII века, «Изв. сессюзного географического общества», т. 81, 1949, № 4; ее же, Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири, «Сибирский географический сборник», II, Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, XXXV, М.—Л., 1957; И. И. Огрызко, Открытие Курильских островов, «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 157, Л., 1953.

²³ И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, М.—Л., 1957, стр. 49—50.

²⁴ «Речь о пользе наук и художеств в государстве» была напечатана в сборнике Торжество Академии наук..., празднованное сентября 6 дня в Санкт-Петербурге, 1750, стр. 53—98. Замечания на диссертацию Миллера не опубликованы (см. ААН, ф. 3, оп. 1, к. 838).

«Не можно сомневаться, чтоб между потребностями жития человеческого ничего не нашлось, чтоб не от наук вымышлено было. Нужда делает остроумными. Известно, что самые дикие народы имеют по обстоятельству состояния своего потребное к содержанию. Кто бы подумал, что без железа обойтись можно? Однакож есть примеры, что камень и кость вместо того служат на топоры, копыя, стрелы, панциры и прочая. Камчадалы, не учась физики, знают, что можно огонь достать, когда дерево о дерево трется; и для того, будучи лишены железа, деревянные огнива употребляют. Искусство же показало им, что есть варить можно и в берестеной и в деревянной посуде. Чего ради все мастерства и художества по большей части от простых и самых бедных начал имеют происхождение. Так, например, строение кораблей без сомнения от лодок; архитектура от шалашей и прочая; а потом разумными людьми час от часу приводилось в лучшее состояние, пока напоследок пришли в совершенство нынешнего времени»²⁵.

Большое значение в развитии науки Крашенинников придает государству и законодательству. Образцом просвещенного монарха для Крашенинникова является Петр I. «Не могла утаиться польза сия наук и художеств от прозорливости государя императора Петра Великого. Ведал он совершенно, что кроме их не может никакое государство быть славно, довольно и безопасно; и для того неусыпное имел старание о просвещении учением своего отечества; восприял намерение учредить в самом посвященном имени своему городе селение наукам и художествам... и таким образом возбудил в подданных своих ревность к ним и охоту, которая с толь великим успехом поныне продолжается, что уже и простой народ за недостаток почитает не иметь в науках участия»²⁶.

Выступив, подобно дворянину Татищеву, идеологом «просвещенного абсолютизма», солдатский сын Крашенинников не может, однако, обойти молчанием «простой народ». Если учитывать, что речь была произнесена в торжественном собрании Академии наук в день тезоименитства Елизаветы Петровны и перед этим подвергалась цензуре, то станет понятным, что Крашенинников вряд ли мог уделить большее внимание столь шекотливому сюжету, как «участие простого народа в науках». Показательно, однако, что Крашенинников не обошел этого вопроса и, подобно Ломоносову, выступил сторонником широкого приобщения народа к «наукам и художествам».

Науку он не мыслил оторванной от жизни, от народа, а ее развитие неразрывно связывал с задачами экономического и культурного развития. «Науку», оторванную от интересов России, умалявшую достоинство русского народа и унижавшую Русское государство,— такую «науку» Крашенинников не признавал и всегда готов был выступить против нее. Он без колебаний примкнул к резкой и справедливой критике Ломоносовым диссертации Миллера «О происхождении народа и имени российского», его норманистских взглядов.

Понимание своих задач как ученого, своего рода научное кредо, Крашенинников раскрывает в предисловии к «Описанию земли Камчатки...». Оно начинается с призыва изучать родную страну. «Знать свое отечество во всех его пределах, знать изобилие и недостатки каждого места, знать промыслы граждан и подвластных народов, знать обычаи их, веру, содержание и в чем состоит богатство их, также места, в каких они живут, с кем пограничны, что у них произрастит земля и воды и какими местами к ним путь лежит, всякому, уповаю, бесполезно»²⁷.

²⁵ «Речь о пользе наук...», стр. 83—84. Разрядка моя.— Н. С.

²⁶ Там же, стр. 95.

²⁷ «Описание земли Камчатки...», стр. 87.

Крашенинников адресует колкие строки дворянам, пренебрегающим наукой и просвещением, и напоминает им политику Петра I. «Однако есть такие, которые и тем славятся, что они не знают, на чем хлеб растет, хотя показать честную природу и нежное свое воспитание, не памятуя или, может быть, не ведая, что... император Петр Великий всеми образы старался получить во всем искусство, не выключая и мнимых подлых художеств»²⁸.

Исследование России включает и изучение населяющих ее народов. «Российское государство сколь есть обширно, сколь изобильно всем, что касается до человеческого удовольствия, столь и многими народами обитаемо, которые, хотя по большей части житием, языком, законом и нравом между собою разнствуют, однако поныне не токмо точное состояние каждого порознь, но и имена их не всякому известны, выключая ближайших, каковы, например, татары, чуваша, мордва, черемиса, вотяки, пермяки, остяки, вогуличи и прочая»²⁹.

Свой труд «Описание земли Камчатки...» он и рассматривает как одно из звеньев в цепи научных исследований родной страны. Он не закончил предисловия к своей работе (смерть оборвала труды ученого), но и из того, что им написано, нам ясны его основные идеи. Начав с Первой Камчатской экспедиции, Крашенинников предполагал перейти ко Второй Камчатской экспедиции, рассказать, «кто во онаю были отправлены», «что в котором вояже достойного примечания зделалось, и когда оная окончилась», чтобы читатель «Описания земли Камчатки...» знал, «при каком случае сочинено сие описание»³⁰.

В дворянской империи середины XVIII в. ученые, подобные Крашенинникову, были немногочисленны. Лишь немногие подымались над уровнем своих узких задач и широко понимали задачи развития науки в России. И не случайно тесная дружба соединила гения русской культуры XVIII в. М. В. Ломоносова с уступавшим ему по разносторонности и глубине дарования, но столь же преданным интересам русской науки и русского народа С. П. Крашенинниковым³¹. Ломоносов высоко ценил талант Крашенинникова, называя его «славнейшим», дал блестящий отзыв о его работе и содействовал переводу «экстракта» этой работы на французский язык³².

«Описание земли Камчатки...» имеет длительную историю. Последовательно были написаны четыре редакции³³. Первая редакция («обсервации» 1748—1750 гг.) до нас не дошла, вторая и третья редакции заключены в рукописи, хранящейся в Архиве Академии наук СССР³⁴, четвертая редакция — печатный текст издания 1755 г. Издание 1949 г. труда Крашенинникова, проведенное по рукописи с учетом вариантов второй, третьей и четвертой редакций, дает полную возможность оценить как материалы, какие собрал Крашенинников, так и идеи, вложенные им в этот труд.

«Описание земли Камчатки...» — образец комплексного описания не исследованной дотоле территории. Современного читателя и сейчас поражает полнота и глубина исследования Крашенинникова. В даль-

²⁸ «Описание земли Камчатки...», стр. 88.

²⁹ Там же, стр. 89.

³⁰ Там же, стр. 88.

³¹ См.: А. И. Андреев, Ломоносов и Крашенинников. Сб. «М. В. Ломоносов», М.—Л., 1940. См. также нашу статью «М. В. Ломоносов и русская этнография» («Сов. этнография», 1961, № 5).

³² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. VI, стр. 69; «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский», 1937, стр. 331.

³³ Историю создания «Описания земли Камчатки...» см. в нашей ввводной статье к изданию 1949 г., стр. 51—74.

³⁴ ААН, р. II, оп. I, № 228.

нейшем русская наука уже не дала подобного исследования о Камчатке. Даже крупные труды XIX—XX вв.—К. Дитмара и В. Л. Комарова³⁵—уступают по широте исследования работе Крашенинникова. Такие труды, как «Описание земли Камчатки...», могли появиться только в XVIII в.—в эпоху, когда не было еще резкой дифференциации различных отраслей знания, когда в России жили и работали такие энциклопедисты, как Ломоносов и Радищев, Татищев и Крашенинников.

Развитие географии и естествознания в России в XIX—XX вв., естественно, обогнало тот уровень знаний, какой мы найдем по этим вопросам в «Описании земли Камчатки...», но материалы по этнографии и истории, запечатленные в этой работе, навсегда сохраняют свое значение.

Виднейшие русские этнографы XIX—XX вв. давали высокую оценку «Описанию земли Камчатки...». Д. Н. Анучин писал: «Крашенинников...составил интересное описание быта камчадалов, народа, находившегося еще тогда в первобытной стадии каменного века. Это описание, появившееся в печати ранее, чем совершились знаменитые кругосветные экспедиции Лаперуза, Кука, Форстера, не утратило своего интереса и в настоящее время, как одно из древнейших, правдивых и обстоятельных изображений быта и нравов неизвестного дикого народа на берегах восточной Азии»³⁶. Позже Л. Я. Штернберг указывал, что в работе Крашенинникова «наряду с подробным очерком естественно-исторических условий, с гениальной вдумчивостью и проникновенной наблюдательностью увековечен всесторонне быт туземного населения таким, каким он был до вторжения русского элемента»³⁷.

То, что писали о работе Крашенинникова Анучин и Штернберг, безусловно, верно, но не полно. Для обоих этих теоретиков русской этнографии конца XIX—начала XX в. Крашенинников казался простым эмпириком, фотографом, запечатлевшим в своей работе, пусть «с гениальной вдумчивостью», быт и нравы народов Камчатки. Тот же Штернберг подчеркивал, что Крашенинников потому «прекрасно» описал ительменов, что он «как человек, живший в XVIII в., не имел никаких предвзятых теорий, не знал никакой этнографии, и потому его выводы являются особенно ценными, как выводы непосредственные, без всяких предубеждений»³⁸.

Дело не только в «гениальной вдумчивости» Крашенинникова. Он один из ученых—зачинателей русской этнографии и к вопросам истории первобытного общества подходил с определенных теоретических позиций, прогрессивных для своего времени. Культура отсталых народов для Крашенинникова представляла определенную ступень в развитии человечества. Эту мысль он теоретически обосновал в «Речи о пользе наук». В «Описании земли Камчатки...» им дан конкретный материал. Не случайны сопоставления Крашенинниковым некоторых явлений культуры ительменов и культуры древних греков. Так, он замечает: «Камчадалы, которые на басни такие ж художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным, по их мнению местам, как-вы, например, кипячие воды, горелые сопки и прочая, приписывают что-нибудь чудесное»³⁹. Религиозные обряды ительменов на празднике

³⁵ К. Дитмар, Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1853 гг., ч. I, СПб., 1901; В. Л. Комаров, Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг., СПб., 1912.

³⁶ Д. Н. Анучин, О задачах русской этнографии, «Этнографическое обозрение», 1889, кн. I, стр. 3.

³⁷ Л. Я. Штернберг, Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев, «Природа», 1925, № 7, стр. 45.

³⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 263.

³⁹ «Описание земли Камчатки...», стр. 104.

очищения грехов он сближает с обрядами, которые «объявляет Лукиан в разговорах своих о капище богини Сирской»⁴⁰.

Крашенинников прекрасно понимал важность для науки всех тех явлений, какие он наблюдал на Камчатке. Отсюда его стремление дать наиболее точное и полное описание всего того, что он видел. Многие уже исчезало в самобытной культуре ительменов под воздействием русской культуры. Надо было запечатлеть это для науки. Так, описывая праздник очищения грехов, Крашенинников подчеркивает, что он собирается описать все их обряды «с начала до конца праздника обстоятельно...», чтоб не погибла память толикого их заблуждения..., ибо ныне все оные языческие обряды оставлены и чрез несколько лет совершенному предадутся забвению к некоторому ущербу истории»⁴¹.

Тщательно описывая обряды и обычаи ительменов, Крашенинников уделяет большое внимание и их фольклору, рассматривая его как важный исторический источник. У ительменов «все доказательства древности состоят в словесных преданиях»⁴². Исключительно широк круг фольклорных материалов, которые были привлечены Крашенинниковым. Им были использованы: исторические предания, сказания и мифы о происхождении неба, земли, гор, о громе, а также о ветре, дожде, радуге и других явлениях природы; мифы о верховном божестве Куте и других богах и духах (горных, лесных, морских); «промысловый» фольклор, связанный с охотой и рыбной ловлей; обрядовый, связанный со свадьбой, родами, религиозными праздниками⁴³.

В подходе Крашенинникова к легендам и мифам видны все характерные черты его мировоззрения. Как просветитель-рационалист, он считает эти легенды и мифы «заблуждением» ума ительменов. Как полевой работник, внимательно наблюдавший быт и культуру и делавший из этих наблюдений подчас материалистические выводы, он видел в этих «заблуждениях» рациональное зерно, отражение реальных фактов культуры и быта народов и окружавшей их природы. Так, рассказывая о «камчатском суеверии» и «басне» о происхождении озер Кайначь и Кульхколянгын от передвижения горы Шевеличь, которая, «не стерпя беспокойства от еврашек, точивших» ее, передвинулась с Восточного моря на р. Камчатку, Крашенинников указывает: «Басни камчатальские сколь ни глупы, однако их, по моему мнению, вовсе презирать нельзя: потому что в них без сомнения заключается некоторое известие о древней перемене сих мест, которая по причине многих огнедышащих гор и частых преужасных трясений земли и наводнений и поныне нередко примечается»⁴⁴. Одновременно Крашенинников вновь подмечает близость мифологии ительменов с мифологией древних греков. Ительменская легенда о происхождении озер Кайначь и Кульхколянгын напоминает ему греческую легенду о происхождении источника «на горе Еликоне от ископыти Пегаса»⁴⁵.

Рассматривая культуру отсталых народов как часть общей культуры человечества, Крашенинников стремился точно передать все то, что он наблюдал. Он дает датировку наблюдаемых явлений, сообщает отдельные отклонения в изучаемых обрядах в разных районах Камчатки. Так, праздник очищения грехов им описывается раздельно у северных и южных ительменов, «понеже южные камчадалы имеют некоторую разность в обрядах против северных». На некоторые «тайные»

⁴⁰ «Описание земли Камчатки...», стр. 427.

⁴¹ Там же, стр. 415.

⁴² Там же, стр. 362.

⁴³ О подходе Крашенинникова к фольклору см. подробнее: Г. Бомштейн, Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 142—158.

⁴⁴ «Описание земли Камчатки...», стр. 104—107.

⁴⁵ Там же, стр. 106.

обряды этого праздника он не был допущен, но и здесь Крашенинников добился того, чтобы допустили ительмена-переводчика, который и рассказал ему об этих «тайных» обрядах.

Крупнейшая научная заслуга Крашенинникова — подробное описание материального производства и орудий труда у ительменов до появления русских. Каменный век предстает перед нами подробно и ярко. «Прежние камчатские металлы до прибытия почти россиян были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копыя, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорикам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года... Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя наподобие ланцов остроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из того ж хрусталя бывали у них стрелы, копыя и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно»⁴⁶. Крашенинниковым описано также деревянное огниво.

О происхождении орудий труда он, в соответствии со своей концепцией, писал: «...Сии средства не разумной или ученой народ вымыслил, но дикой, грубой и трех перечесть неумеющий. Столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни!»⁴⁷.

В характеристике жизни народов Камчатки у Крашенинникова нет ни малейшего следа пренебрежения или высокомерия «просвещенного европейца». Он лично наблюдал их выносливость и трудолюбие, терпение и мастерство в пользовании своими примитивными орудиями. Он видел их мужество и бесстрашие на войне. Многие вызывало у него неподдельное восхищение и изумление. Так, он восторженно описывает плавание «удалых камчадалов» по рекам в примитивных лодках, сделанных каменным топором. Замечательные резные изделия чукчей из кости нашли первого по времени ценителя в лице С. П. Крашенинникова. «Из всей работы сих диких народов, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто делают, ничто мне так не было удивительно, как цепь из моржовой кости... Я могу смело сказать, что по чистоте работы и по искусству никто б не почел оную за труды дикого чукчи и за деланную каменным инструментом, но за точеную подлинно»⁴⁸.

И вместе с тем Крашенинников не идеализировал примитивную жизнь народов Камчатки. Первобытнообщинное общество отнюдь не казалось ему «золотым веком», каковой склонны были видеть некоторые западноевропейские социологи (Руссо и другие) в жизни человечества на ранних ступенях его развития, не наблюдавшие эту жизнь непосредственно. В описаниях быта ительменов Крашенинников не приукрашивал ничего; в них всегда неприкрытая правда, порой даже чрезмерный натурализм. Он пишет, например: «...Никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезают, едят из одной посуды с собаками и никогда ее не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары, волосов на голове не чешут»⁴⁹. Очень ценны наблюдения ученого в области общественных отношений ительменов. Для современного этнографа его материалы воссоздают типичную картину первобытнообщинного строя: «До покорения российскому владению дикой

⁴⁶ «Описание земли Камчатки...», стр. 380

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 382.

⁴⁹ Там же, стр. 366—368.

оной народ жил в совершенной вольности; не имел никаких над собою вначальников, не подвержен был никаким законам и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое однакож только в том состояло, что их советы предпочитались; впрочем, было между ими равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать»⁵⁰.

Острожки ительменов представляли собой поселения, в которых жили семейные общины, ведшие коллективное производство. Общины, принадлежавшие к одному роду, обычно расселялись на одной реке. Такая река и ее побережья с угодьями и составляли коллективное владение рода. «Всякий острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода и с той реки на другую никогда не преселяется. Ежели по какой-нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливыми юртами, то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их... На промыслы звериные ходят камчадалы по своим же рекам»⁵¹.

Современные исследователи, изучая материалы Крашенинникова о роде у ительменов и сопоставляя их с материалами Стеллера в его работе «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka...» (1704), приходили к выводу, что этими исследователями сообщаются «противоречивые данные» о характере рода у ительменов. По материалам Крашенинникова для ительменов якобы типичен патрилокальный брак, по материалам Стеллера — матрилокальный⁵². Между тем, если принять во внимание не только текст «Описания земли Камчатки...» издания 1755 года, но и другие редакции этого труда, то станет очевидным, что никакого противоречия в этом вопросе между обоими исследователями нет. Больше того, материалы Крашенинникова полнее материалов Стеллера. Они дают ясное представление о переходном характере семейной общины у ительменов. Во второй авторской редакции Крашенинников указывал: «...Камчадалы прежде сего выдав дочерей своих редко отпускали в чужие острожки, напротив того зятя их должны были к ним преселяться, оставя природное свое место и сродников. Таким образом, в котором острожке много было девок, тот скоро мог учиниться многолюдным и казаки при случае первого походу на Камчатке человек по триста в одном острожке находили. Тогда фамилия приходила в такое умножение, что живучи вместе не могла получать довольного пропитания, то разделялась на части и поселялась на той же реке, а на другую не отходила»⁵³.

Таким образом, здесь Крашенинников говорит о матрилокальном браке у ительменов, который был еще в недалеком прошлом. В другом месте своей работы, которое сохранилось и в окончательной печатной редакции 1755 г., Крашенинников, описывая брачные обряды, бытовавшие в период его пребывания на Камчатке, указывает, что жених, «высмотря себе невесту», вначале переходит в поселение невесты и здесь отслуживает ее, а после брака «увозит ее в свой острожек»⁵⁴. Здесь налицо уже патрилокальный брак, но от матрилокального брака сохранились пережитки в виде временного, до брака, переселения жениха в поселение невесты. О переходном характере семейной общины у ительменов свидетельствуют и другие черты материнско-родового строя, о которых сообщает Крашенинников: пережитки группового брака, жен-

⁵⁰ «Описание земли Камчатки...», стр. 366.

⁵¹ Там же, стр. 378.

⁵² В. В. Антропова, Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири, стр. 141.

⁵³ «Описание земли Камчатки...», стр. 374, примеч. 1.

⁵⁴ Там же, стр. 434—435.

ские духи и божества, когнатный характер огня и др. Вместе с тем тогда уже установилось наследование по отцовской линии и наречение ребенка именем умерших родственников по отцу.

Современный исследователь найдет у Крашенинникова значительный материал и по другим сторонам родового строя: о родовой собственности на уголья, родовых старейшинах, родовой мести, родовом суде, экзогамии.

Очень интересна критика Крашенинниковым некоторых суждений Стеллера о характере общественных отношений у ительменов; он приводит эти суждения на страницах своей работы. Говоря о «междоусобных бранях» у ительменов, Стеллер указывал, что в этих «бранях» выдвигались «старшие, храбрейшие и умнейшие», которые хотели «укрепиться во своей власти» и даже «имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтобы быть владетелями». Особенно выделился старейшина Шандал, который «власть свою распространить вознамерился, желая... наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска». Крашенинников критикует сообщение Стеллера о Шандале, желавшем якобы стать единым властителем на Камчатке. «Что они ходили войною друг на друга, что в плен брали и похищали съестные припасы и имение, из того заключить нельзя такого важного предприятия, каково о учреждении самодержавства, тем наипаче, что такому человеку, каким описывается Шандал, надлежало прежде власть свою утвердить над своим родом и иметь в совершенном послушании, которого однакож и с самого начала покорения Камчатки нигде ни следу не примечено, но напротив того везде совершенное равенство». Для Крашенинникова Шандал — легендарная личность. «Самое имя Шандал весьма мне сомнительно», — писал он, ибо такого имени нет «нигде в Камчатке». Источник легенды о Шандале Крашенинников видел в том, что «под сим именем должно разуметь всех шантальских жителей, которые живут около урочища Шанталы, как под именем Кончата всех еловских жителей». В прошлом шантальцы были действительно «славны и многолюдны, так что один острог их более двух верст в длину простирался, да и сейчас еще их острожек «почти всех камчатских острожков многочисленнее народом»⁵⁵.

Сравнивая материалы Крашенинникова и Стеллера об общественном строе ительменов, приходишь к выводу, что Крашенинников собрал более богатый материал и делал более правильные выводы, нежели Стеллер.

Ценнейший материал был собран Крашенинниковым и о верованиях ительменов (материалы по анимизму, антропоморфизму, культу животных, институту «превращения пола», шаманству и пр.). Многие из них позже были использованы Л. Я. Штернбергом, известным исследователем первобытной религии⁵⁶, который писал, что Крашенинников «с такой убеждающей простотой» раскрыл то, что впоследствии было подтверждено «всеми исследователями первобытной религии»⁵⁷.

Большое внимание уделил Крашенинников важнейшим религиозным церемониям ительменов, в частности уже упоминавшемуся празднику очищения грехов. Давая описание праздника, он правильно раскрыл магический характер обрядности. Так, описывая обряд «убивания» чучела волка и поедания его «остатков», а также обряд «поедания» чучела кита, Крашенинников видит смысл их в том, «чтоб им прямых китов и волков промышлять и есть, как с травяными поступали»⁵⁸. Научная

⁵⁵ Там же, стр. 404—405.

⁵⁶ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, стр. 54, 98, 158, 237, 263, 272—273, 383, 428—429.

⁵⁷ Там же, стр. 237.

⁵⁸ «Описание земли Камчатки...», стр. 420.

значимость собранных Крашенинниковым материалов особенно подчеркивается тем, что ни Стеллеру, ни позднейшим путешественникам не удалось больше увидеть выполнения этих обрядов.

Большой материал был собран Крашенинниковым и о шаманстве, находившемся в то время на Камчатке на одной из ранних ступеней своего развития. В это время еще не было шаманов как особой группы, монополизировавшей религиозный культ; кроме того, шаманством занимались не только мужчины, но и женщины⁵⁹.

Крашенинникова интересовали и проблемы этногенеза народов Камчатки. Он собрал большой лингвистический материал и установил родство ительменского, корякского и чукотского языков. Им же были определены три диалекта в ительменском языке и некоторые диалекты в корякском⁶⁰.

Запечатлев в своем труде оригинальную самобытную культуру ительменов, Крашенинников раскрыл и те изменения, которые происходили в ней под влиянием русской культуры. «Токмо ныне во всем последовала великая перемена,— писал он.— Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию»⁶¹.

Ученый отметил и важнейшие из этих перемен в быту ительменов: постройку «горниц по российскому обыкновению», вхождение в быт металлической посуды, русской одежды, новых орудий труда. Проследив культурные связи между ительменами и русским населением, он выявлял также влияние культуры ительменов на русских и выступал последовательно за их сближение.

Материалы о новых явлениях в культуре ительменов были даны Крашенинниковым в четвертой части его труда, посвященной истории Камчатки. В этом труде он предстает первым историком народов Камчатки. Данные этнографии и истории органически соединяются у Крашенинникова и дают связный очерк истории Камчатки, начиная с середины XVII в. и кончая 40-ми годами XVIII в. Позднейшие историки Камчатки всегда использовали историческую часть труда Крашенинникова как важнейший источник, в особенности ценный потому, что многие данные Крашенинникова основаны на его личных наблюдениях и «словесных известиях» местного населения⁶².

Крашенинников хорошо понимал значение Камчатки для Русского государства. Он настойчиво доказывал необходимость дальнейшего освоения Камчатки и укрепления ее границ, являвшихся северо-восточными границами России. Но он не отождествлял интересы страны с интересами царизма и его политикой. Дав в своей работе яркий материал о восстаниях ительменов, Крашенинников показал вызывавшие их причины. Наряду с желанием «получить прежнюю вольность» он указывал на бесчисленные поборы и налоги, которыми было обложено население, на бесчинства и беззакония, творимые администрацией над беззащитными ительменами. Материал об эксплуатации коренного населения Камчатки царизмом был настолько ярок и убедителен, что Крашенинникову в окончательной редакции пришлось из цензурных со-

⁵⁹ «Описание земли Камчатки...», стр. 412. О материалах Крашенинникова по шаманству см.: Д. К. Зеленин, Идеология сибирского шаманства, «Изв. Академии наук СССР», 1935, № 8, стр. 716, 727.

⁶⁰ И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, стр. 43—52.

⁶¹ «Описание земли Камчатки...», стр. 372—373.

⁶² А. Сгибнев, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, «Морской сборник», т. CV, № 4, СПб., 1869; Н. В. Слюнин, Охотско-Камчатский край, т. 1, СПб., 1900; С. Б. Окунь, Очерки по истории колониальной политики царизма на Камчатке и Чукотке, Л., 1935; Golder, Russian expansion on the Pacific, 1914.

ображений смягчить его, исключив ряд фактов⁶³. С симпатией и уважением относился он к вождям восстания 1731 г. и отмечал их мужество и стойкость.

Крашенинников был проникновенным и чутким наблюдателем. Его длительная работа среди населения Камчатки не могла пройти мимо сознания этого населения. О нем сложили песню, в которой запечатлен образ молодого студента, интересовавшегося буквально всем, что он видел:

«Ежели бы я был студент, то б описал всех девок.

Ежели бы я был студент, то бы описал быка рыбу.

Ежели бы я был студент, то бы описал всех морских чаек.

Ежели бы я был студент, то бы снимал все орлиные гнезда.

Ежели бы я был студент, то бы описал горячие ключи.

Ежели бы я студент был, то б описал все горы.

Ежели бы я студент был, то б описал всех птиц.

Ежели б я студент был, то б описал все морские рыбы»⁶⁴.

Вместе с Татищевым и Ломоносовым Крашенинников стоит у начала исторического пути русской этнографии как науки. Он явился пионером в полевом этнографическом изучении народов Российской империи. Быт и культура ительменов получили в его труде всестороннее освещение (занятия, материальная культура, общественные отношения, верования и т. д.). Обработывая собранный им материал, Крашенинников в освещении его руководился передовыми научными идеями своего времени. Классический труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки...» сыграл крупнейшую роль в развитии русской и мировой этнографической науки и получил общее признание. В 1760 г. был выпущен сокращенный перевод «Описания земли Камчатки...» на французском языке. В 1764 г. появился полный перевод на английском языке, в 1766 г. — на немецком. В 1767, 1768 и 1770 гг. последовали новые издания «Описания земли Камчатки...» на французском языке, в 1771 и 1789 — на немецком. В 1770 г. появился перевод на голландском языке⁶⁵. Этот интерес на Западе к труду Крашенинникова вполне понятен.

В XVIII в. научную мысль глубоко интересовали вопросы этнографии народов, стоящих на ранних ступенях общественного развития. Одни ученые видели в культуре таких народов культуру деградировавших народов (теория регресса), другие видели в ней культуру, сохранившуюся от «золотого века», где были налицо добродетели, утраченные цивилизованным человеком.

Большое значение для развития науки о первобытном обществе получили работы об отсталых народах, основанные на фактическом материале и переведшие изучение этой проблемы из плоскости общих теоретических рассуждений в плоскость конкретного исследования. Особенно выдающееся значение в мировой этнографии первой половины XVIII в. имели труд французского миссионера Ж.-Ф. Лафито «Обычай американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен» (2 тт., 1724 г.) и труд русского ученого С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки...». В книге Лафито получили освещение жизнь и культура индейских племен — ирокезов и гуронов. В книге Крашенинникова были раскрыты жизнь и культура народов северо-восточной Азии. В обоих трудах были сделаны попытки установить закономерности общественного развития, и первобытная культура была признана исходной для всей человеческой цивилизации.

⁶³ См. нашу статью «С. П. Крашенинников как историк Камчатки», «Сов. Север», 1939, № 2.

⁶⁴ «Описание земли Камчатки...», стр. 431.

⁶⁵ О переводах труда Крашенинникова см.: А. И. Андреев, Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», «Сов. Север», 1939, № 2, стр. 171—176.

В России «Описание земли Камчатки...» вышло вторым изданием в 1786 г. В 1818 г. было начато издание «Полного собрания ученых путешествий по России», и первым в этой серии был выпущен труд Крашенинникова. В советское время, в 1949 г., вышло четвертое издание его книги, с учетом всех авторских редакций и с приложением его рапортов, донесений и научных работ, написанных на Камчатке.

«Описание земли Камчатки...» и его автор — солдатский сын Степан Петрович Крашенинников — вошли не только в историю науки. Крупнейшие русские писатели XVIII—XX вв. с глубоким интересом относились к самоотверженной работе на Камчатке Крашенинникова и к его сочинениям. Имя Крашенинникова вошло в словари русских писателей XVIII—XIX вв. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» причислял его к тем, кто «сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными»⁶⁶. Н. М. Карамзин внес имя Крашенинникова в свой «Пантеон российских авторов», где писал, что тот, «живши четыре года в Камчатке, описал сию любопытную страну, где человек поселился, вопреки природе, среди глубоких снегов, влажных туманов и гор огнедышащих»⁶⁷. А. П. Сумароков, заинтересованный материалами С. П. Крашенинникова о народном творчестве ительменов, написал специальную статью «О стихотворстве у камчадалов»⁶⁸. Книга «Описание земли Камчатки...» привлекла внимание А. С. Пушкина, подробно законспектировавшего ее и под впечатлением от нее задумавшего статью о Камчатке (им были написаны краткий план и небольшой отрывок)⁶⁹.

Н. А. Некрасов в романе «Три страны света» использовал работу Крашенинникова: она послужила источником для описания путешествия Каютина, а также для рассказов Антипа Храброва⁷⁰. Наконец, М. Горький также интересовался книгой Крашенинникова, рассказав о ней в одной из глав «Истории русской литературы», где он сближает научный подвиг Крашенинникова с подвигом «землепроходцев» предыдущего столетия⁷¹.

Советская историческая и этнографическая наука высоко оценивает заслуги Крашенинникова. При изучении этнографии и истории Камчатки первой половины XVIII в. важнейшим источником остается «Описание земли Камчатки...»⁷². Степану Петровичу Крашенинникову как этнографу и историку Камчатки посвящен уже ряд статей в советской науке. Начало изучению сочинений Крашенинникова и его места в истории русской науки положил специальный номер журнала «Советский Север», посвященный памяти С. П. Крашенинникова⁷³.

⁶⁶ «Опыт исторического словаря о российских писателях», СПб., 1772, стр. 97, сост. Н. Новиков.

⁶⁷ «Пантеон российских авторов», М., 1801.

⁶⁸ А. П. Сумароков, Стихотворения, «Библиотека поэта», 1935, стр. 368.

⁶⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд-во АН СССР, т. X, 1938, стр. 343—366. Подробнее об этом см. нашу статью «Пушкин и Север» («Вестник Ленинградского университета», 1949, № 6, стр. 35—45).

⁷⁰ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1948, стр. 826.

⁷¹ М. Горький, История русской литературы, М., 1939, стр. 188.

⁷² См., например, «Народы Сибири»; под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, серия «Народы мира. Этнографические очерки», под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова, М.—Л., 1956, стр. 979—982; «Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в.», М., 1957, стр. 614—615.

⁷³ «Сов. Север», 1939, № 2. Сборник статей, посвященных памяти С. П. Крашенинникова (к 225-летию со дня рождения). В сборнике были помещены статьи: А. И. Андреев, Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова (с приложением списка его трудов); Н. П. Никольский, С. П. Крашенинников как этнограф Камчатки; Н. Н. Степанов, С. П. Крашенинников как историк Камчатки; Н. М. Корсаков, Лингвистические материалы С. П. Крашенинникова и их значение для исследования палеоазиатских языков; С. Н. Стеблицкий, Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова; А. И. Андреев, Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

После последнего фундаментального издания «Описания земли Камчатки...» появилось еще несколько трудов о С. П. Крашенинникове, упомянутых выше. Однако работу по изучению его жизни и творчества нельзя считать законченной. Необходимо опубликовать сибирские работы Крашенинникова, представляющие большую ценность как первые научные исследования Крашенинникова и дающие интересный материал по этнографии народов Сибири. Необходимо подготовить и исчерпывающее монографическое исследование о жизни и творчестве крупного русского ученого XVIII в., сподвижника М. В. Ломоносова, одного из основоположников русской этнографической науки.

SUMMARY

The name of S. P. Krasheninnikov stands out in the history of Russian and world ethnographic research. All his life and endeavour were inseverably linked with the Second Kamchatka Expedition of 1733—1743. The data collected by Krasheninnikov on Kamchatka formed the basis for the «Description of the Land of Kamchatka» — that classical ethnographic work.

An associate and close friend of Lomonosov, S. P. Krasheninnikov was an eminent Russian educator, a protagonist of the development of culture and science, of studies of Russia and her people.

Krasheninnikov carefully studied the primitive culture of the Itelmens. He regarded primitive cultures as a source for the development of world culture and believed the collection and studying of data in the history of primitive society to be a major purpose of science.